

Салмина Л. М.

ЯЗЫК КАК УНИКАЛЬНАЯ МОДЕЛИРУЮЩАЯ СИСТЕМА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/2-2/73.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2008. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. II. С. 178-181. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Таким образом, выявление семантической дифференцированности наречной лексики в разных вариантах наречной системы русского языка позволяет установить наличие лакун в реализации общей семантической классификации, а также вариативность в лексическом заполнении смысловых сегментов.

Интегративный подход к описанию наречия выводит также на характеристику его грамматической семантики. Наречия, безусловно, отличаются по своей роли в семантической и коммуникативной структуре высказывания и по выражаемым синтаксическим отношениям.

Здесь мы остановимся на одном из аспектов «внепредложенческой» грамматической характеристики наречия. Наречная лексика образует зону развитой функционально-грамматической омонимии. В связи с этим при моделировании системы различительных признаков, по которым могут быть сопоставлены или противопоставлены частные наречные системы русского языка, предлагается учитывать грамматическую одно- или многофункциональность слова. Например, способность словесного знака быть и наречием, и инстантивом (*плохо*) и, соответственно, иметь при этом различную семантико-синтаксическую природу в пределах одного идиома.

Приведём пример. В рамках функциональной омонимии наречия и имени существительного есть такой тип парадигмы, которая объединяет наречие и форму прямого падежа имени (Adv - N₁).

В общеупотребительном варианте языка данный тип парадигмы представлен, но существуют лексические ограничения. В отношении функционально-грамматической омонимии с наречиями включены только некоторые существительные - *страх, ужас, страсть, смерть*. В функции наречий эти слова передают экспрессивное усилительное значение 'очень'.

В территориальных диалектах, с одной стороны, наблюдается соответствие с литературным языком (*б'еда много л'уд'ей*), с другой стороны, в указанный тип функционально-грамматической парадигмы включаются существительные других семантических классов: *большинство* 'преимущественно' (*погл'ад'иши / фс'о бол'шынство дома она; бол'шынство с'ено кос'ила*); *часть* 'частично' (*он тут помок ил'и можот йа ч'ас't' помогла*). Примеры приведены их архангельских говоров.

В сленге этот тип функционально-грамматической парадигмы представлен словами с суффиксом -'ак (*верняк, железняк, точняк*), которые в функции наречий передают значение 'точно, непременно' и выступают прагматическими маркерами уверенений адресата в надёжности обещаний, предположений и т.п.

Таким образом, значимость категориальных грамматических наречных значений, проявленная в их системных связях с другими частями речи, не совпадает в различных ЧНС русского языка. Анализ функционально-грамматической парадигмы словесного знака позволяет целостно представить семантико-синтаксические парадигматические связи наречий в пределах одной ЧНС и показать различия в функционально-грамматическом потенциале единиц в разных ЧНС.

Исходной единицей интегрального описания семантики и прагматики наречия может быть не только различительный признак, служащий основанием для сопоставления разных ЧНС, но и конкретные наречные лексемы, рассмотренные в проекции на функционально-социальное варьирование наречной системы русского языка.

Список использованной литературы

1. **Аванесов Р. И.** Очерки русской диалектологии. - М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1949. - Ч. 1 - 335 с.
2. **Гольдин В. Е.** Внутренняя типология русской речи и строение русистики // Русский язык сегодня: Сборник статей / Отв. ред. Л. П. Крысин. - М.: Азбуковник, 2000. - Вып. 1. - С. 53-65.
3. **Калнынь Л. Э.** К проблеме изучения вариативности в диалекте. Фонетический уровень (на материале говора, включённого в сетку ОЛА) // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования 1984. - М.: Наука, 1988. - С. 65-98.
4. **Кёстер-Тома З.** Стандарт, субстандарт, нонстандарт / З. Кёстер-Тома // Русистика. - Берлин, 1993. - № 2. - С. 15-31.
5. **Пеньковский А. Б.** Очерки по русской семантике / А. Б. Пеньковский. - М.: Языки славянской культуры, 2004. - 464 с.
6. **Розина Р. И.** Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге: глагол / Р. И. Розина. - М.: Азбуковник, 2005. - 305 с.
7. **Успенский Б. А.** Избранные труды: В 3 т. / Б. А. Успенский. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. - Т. III: Общее и славянское языкознание. - 800 с.
8. **Шведова Н. Ю.** Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства / Н. Ю. Шведова / Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. - М.: Азбуковник, 1998. - 176 с.

ЯЗЫК КАК УНИКАЛЬНАЯ МОДЕЛИРУЮЩАЯ СИСТЕМА

Салмина Л. М.

Казанский государственный университет

В конце XX - начале XXI века изучение языка в качестве *общего когнитивного инструмента* [Кубрякова и др. 1996: 53] приобрело огромную популярность, а «когнитивная лингвистика» стала расцениваться как

одна из «основных точек роста» современного языкознания [Кибрик 1995: 100]. При этом, как отмечают В. А. Пищальникова и Е. В. Лукашевич, в настоящее время это направление напоминает физику догаллилеевского варианта: в нем «нет ни одного общезначимого факта, ни одного общеразделяемого обобщения» [Пищальникова, Лукашевич 2001: 5]. Указывая на необходимость разработки единой теории когнитивной лингвистики, П. Б. Паршин предлагает определять ее предмет как *описание и объяснение* устройства и функционирования самого объекта изучения - языка [Паршин 1996: 25]. В этой связи невозможно, однако, не вспомнить высказывания Р. Белла, который когда-то писал: «то, как лингвист строит свое описание и объяснение феномена, именуемого «язык», зависит от его ответа, выраженного явно или подразумеваемого, на вопрос «что такое язык?»» [Белл 1980: 34].

Воспользуемся наиболее общим - философским - определением языка как знаковой системы, «выполняющей познавательную и коммуникативную функции в процессе человеческой деятельности» [Философский словарь 1981: 437]. Примечательность этой трактовки заключается в том, что представленное в ней разграничение *когниции* и *коммуникации* позволяет представить их как равноправные составляющие единой и глобальной функции, а именно: функции посредника между человеком и окружающим миром.

Познание как творческая деятельность человека предполагает созидание «из доставляемого действительностью материала» *новой реальности* [Философский словарь 1981: 285].

Соотношение между *объективной*, т.е. существующей независимо от сознания человека, действительностью и новой реальностью, по мнению исследователей когнитивной деятельности, выражает понятие *моделирования* (В. Г. Афанасьев, Т. А. ван Дейк, П. Н. Джонсон-Лейрд, У. Липпман, И. Б. Новик, Р. Л. Солсо и др.). В нашем случае, следовательно, речь должна идти о ментальной модели объективной действительности, дающей - как и любая иная модель - наглядное представление об устройстве объекта и одновременно являющейся воспринимаемой и узнаваемой реальностью.

Притом, что сам факт участия языка в процессе преобразования объективного в реальное никем не подвергается сомнению, его ведущая роль в создании ментальной модели действительности, по словам Г. В. Рамишвили, осознана менее всего [Рамишвили 1985: 315]. Действительно, зафиксированные в языке знания о мире на самом деле очень мало осознаются его носителями и ограничиваются, как правило, уровнем номинации: «Многие полагают, что язык есть по существу номенклатура, то есть перечень названий, соответствующих каждому одной определенной вещи» [Соссюр 1999: 68], в то время как язык - это система, элементы которой, вступая в отношения друг с другом, «образуют целое» [там же: 115].

Целостность языка как системы обуславливается тем, что он представляет собой первый в истории человечества инструмент и результат моделирования окружающего мира - *универсальную семиотическую матрицу* (определение Э. Бенвениста).

Универсальные моделирующие возможности естественного языка предопределяются его уникальным, на фоне других знаковых систем, свойством *означивания* - предсказания внеязыковым объектам языковых значений. «Действительность осознана человеком постольку, поскольку она отражена через посредство *языковых значений*» [Брудный 1972: 219].

Языковое означивание обеспечивает познание действительности как ее *интерпретацию* - моделирование *смысловым*, по А. Ф. Лосеву, *образом*, «отражающим то или иное понимание» [Лосев 1983: 137], что и обеспечивает творческое начало когнитивной деятельности.

Именно благодаря языковым значениям окружающая нас действительность становится воспринимаемой, а потому *реальной*. Стоит в этой связи вспомнить изящную метафору Ф. де Соссюра, уподобившего язык стеклам очков, «через которые мы созерцаем предметы» [Соссюр 1990: 20].

Как и любая система, моделирующая объект по более простой схеме, язык редуцирует и адаптирует действительность, что со времен Ф. Бэкона, Р. Декарта, Г. Лейбница принимается за ее «искажение» и заставляет предпринимать новые и новые попытки освободиться от «пут языка» и выйти в некий «истинный» мир.

Между тем, как справедливо отмечает Г. В. Рамишвили, подходить к языку с позиции обнаружения в нем «ошибок» вряд ли разумно, поскольку к истине, открывающейся в естественных языках, неприложимы логические критерии верификации [Рамишвили 1985: 316].

В не утихающем споре о критерии истинности языковых выражений весьма показательна позиция Дж. Серля, Д. Вандервекена: «Пропозиция *P* истинна в мире *w*, если положение дел, репрезентируемое ею, имеет место в данном мире» [Серль, Вандервекен 1986: 246-247]. В самом деле, мы оцениваем истинность/ложность относительно установленной языковой действительности, а потому высказывание, например, о *солнце*, которое *садится на востоке*, будет ложным постольку, поскольку известно, что *солнце садится на западе*, но не потому, что Солнце неподвижно относительно вращающейся вокруг него Земли.

Если воспользоваться формулой истинности ЛеПора: *x* удовлетворяет предикату «*gип*» тогда и только тогда, когда известно, что *x* бежит [ЛеПор 1986: 188], можно сказать, что по отношению к языковой действительности эта формула будет иметь вид: *x* удовлетворяет предикату «бежать» тогда и только тогда, когда *x* обладает способностью *бежать* - ср.: *человек бежит* - *стол бежит*.

Процесс познания недискретной внеязыковой действительности, по определению А. Ф. Лосева, «глобальной, вечно текучей и в деталях неразличимой» [Лосев 1983: 147], осуществлявшийся в филогенезе как ее языковое оформление: *расчленение, структурирование и систематизация*, - определил в конечном итоге ее интерпретацию как единого целого, состоящего из дифференцированных друг от друга взаимосвязанных и взаимозависимых элементов.

Устройство и организация этой реальности подчиняются когнитивной логике - естественной логике познания в языке бытия, а следовательно, познать их можно только через язык, «путем исследования языковых значений и раскрытия тех когнитивных элементов, которые в них заложены» [Бондарко 1978: 63].

Так, фиксируя присвоенное действительности свойство *дискретности*, языковая модель несет в себе типологическую классификацию элементов, основанную на их дифференциальных и интегральных признаках и позволяющую разграничивать и группировать *предметы, признаки и фрагменты* («положения дел»).

Класс *предметов* будет включать в себя материальные субстанции, которые возможно распределить по подклассам: *одушевленные (лица / не-лица) // неодушевленные (натурфакты / артефакты)*; класс *признаков* объединяет нематериальные субстанции, не существующие вне своих носителей (*свойства, качества, состояния, действия* и их подклассы); класс *фрагментов* предполагает объединение локализованных временем и пространством и имеющих временную протяженность взаимоотношений предметов и признаков (*фактов / ситуаций / событий* и их подклассов).

Свойство *структурности*, т.е. интерпретация действительности как *целого* относительно составляющих ее *частей* - элементов, проявляет себя в отношениях партитивности: элементы более высокого порядка представляют собой *целое* для совокупностей элементов более низкого порядка, образуя таким образом иерархию.

Свойство *системности* предполагает существование между элементами отношений взаимной функциональной зависимости (*интердепенденции* и *детерминации* у Л. Ельмслева). Эти отношения носят характер не менее глобальный, нежели отношения сходного-различного и части-целого, поскольку отражают интерпретацию воздействия элементов друг на друга, обеспечивая возможности объяснения и прогнозирования действительности.

Осознанные таким образом свойства внеязыковой действительности обуславливают логику устройства и функционирования языка как структурированной системы дискретных знаков, семантика которых базируется на когнитивно-логических представлениях об элементах действительности и их связях между собой. Так, знаки-представления несут в себе информацию о свойствах действительности в своих значениях, представляя собой с этой точки зрения нерасчлененное единство носителя признака и признака (лексикон как система лексических значений); знаки-маркеры обеспечивают формализацию свойств за счет вынесения информации о них «за скобки» определяемого; знаки-модели осуществляют моделирование элементов и их взаимоотношений (грамматикон как система грамматических значений).

Этот глубинный уровень языка мы предлагаем именовать когнитивно-логической моделью действительности - общечеловеческой моделью естественного *мироустройства*, обеспечивающей понимание системно-структурной организации элементов окружающего мира.

Наряду с логической язык несет в себе аксиологическую интерпретацию мира. Опыт, который мы квалифицируем как когнитивно-аксиологический, представляет собой неизбежное следствие и условие взаимодействия человека с миром, а потому играет роль ничуть не уступающую по значимости роли когнитивно-логического опыта, поскольку существенным образом влияет на моделирование поведения личности как члена данного социума. Такое понимание языка опирается на идеи В. Гумбольдта, Ф. Боаса, Э. Сепира, Б. Л. Уорфа, Л. Вайсгербера.

Когнитивно-аксиологическая модель действительности - коллективная модель социального *миропорядка* - представляет собой результат осознания значимости составляющих мира и их отношений в когнитивно-социальном опыте данного языкового коллектива, т.е. в культурно-историческом контексте, и составляет основу социализированных мироощущения, мировосприятия, мировоззрения членов социума - носителей конкретного языка.

Говоря о языке как об универсальной и вместе с тем уникальной интерпретирующей системе, считаем принципиально необходимым ввести разграничение между интерпретацией действительности *в языке* и интерпретацией действительности *средствами языка*.

Мы воспринимаем узнаваемую благодаря *первичной* языковой интерпретации реальность и подвергаем ее *вторичной* интерпретации в процессе коммуникации. Знание *существующего* обеспечивает возможность идентификации *происходящего* и присвоения ему языковых значений, актуальных на момент восприятия, т.е. интерпретации средствами языка.

Таким образом, универсальность возможностей языка-*интерпретатора*, выполняющего коммуникативную функцию, обеспечивается уникальностью языка-*интерпретанта* в его кумулятивной функции.

Признание того факта, что язык как знаковая система представляет собой модель действительности и «формальные модели языка могут рассматриваться как абстрактные реконструкции мира» [Дейк 1989: 74], позволяет, на наш взгляд, установить и удовлетворительно описать соотношение лингвистической категории *значения* с психологическими категориями *восприятия, представления, понятия*, равно как и с когнитивными категориями *концепта, фрейма, скрипта, сценария, гештальта* и др., а кроме того - «получить новые данные о традиционном лингвистическом объекте - языке и, вероятно, пересмотреть понимание факторов, детерминирующих его эволюцию» [Пищальникова, Лукашевич 2001: 7].

Список использованной литературы

1. Белл Р. Т. Социоллингвистика / Р. Т. Белл. - М., 1980.
2. Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл / А. В. Бондарко. - Л., 1978.

3. **Брудный А. А.** Семантика языка и психология человека (о соотношении языка, сознания и действительности) / А. А. Брудный. - Фрунзе, 1972.
4. **Дейк ван Т. А.** Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. - М., 1989.
5. **Кибрик А. Е.** Современная лингвистика: откуда и куда? / А. Е. Кибрик // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. - 1995. - № 5.
6. **Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г.** Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац и др. - М., 1996.
7. **ЛеПор Э.** В каких отношениях неудовлетворительна теоретико-модельная семантика / Э. ЛеПор // Новое в зарубежной лингвистике. - 1986. - Вып. ХУШ.
8. **Лосев А. Ф.** Языковая структура / А. Ф. Лосев. - М., 1983.
9. **Паршин П. Б.** Теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике XX века / П. Б. Паршин // Вопросы языкознания. - М., 1996. - № 2.
10. **Пищальникова В. А., Лукашевич Е. В.** Когнитивизм как новая методология семантических исследований / В. А. Пищальникова, Е. В. Лукашевич // Когнитивные исследования в языковедении и зарубежной психологии: Хрестоматия. - Барнаул, 2001.
11. **Рамишвили Г. В.** От сравнительной антропологии к сравнительной лингвистике / Г. В. Рамишвили // В. фон Гумбольдт. Язык и философия культуры. - М., 1985.
12. **Серль Дж., Вандервекен Д.** Основные понятия исчисления речевых актов / Дж. Серль, Д. Вандервекен // Новое в зарубежной лингвистике. - М., 1986. - Вып. ХУШ.
13. **Соссюр Ф. де.** Заметки по общей лингвистике / Ф. де Соссюр. - М., 1990.
14. **Соссюр Ф. де.** Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр. - Екатеринбург, 1999.
15. **Философский словарь.** - М., 1981.

ЛИНГВОФИЛОСОФСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ И. В. ГЕТЕ

*Серебряков А. А.
Ставропольский государственный университет*

В посвященных творчеству И. В. Гете исследованиях отечественных и зарубежных филологов всегда акцентировалась широта, глубина, синтетичность его философских, естественнонаучных, эстетических воззрений, составивших эпоху в европейской научной и художественной эпистеме. Известный специалист по истории и теории литературы эпохи Просвещения В.П. Неустроев констатировал, что «эстетическая мысль Гете находилась в непрерывном развитии, получая выражение не только в статьях и рецензиях, но и в беседах, переписке, в почти каждодневных записях максим и размышлений, наконец, опосредованно - в самом художественном творчестве» [Неустроев 1983: 10].

На наш взгляд, лингвофилософские воззрения занимают важное место в структуре философских и общетеоретических взглядов немецкого классика, хотя он не оставил специальных работ с их системным изложением. В предлагаемой статье рассматриваются лингвистические взгляды Гете, выраженные им в «Максимах и рефлексиях», представляющих собой оригинальный метапоэтический текст к произведениям гетевской эпохи. По мнению К. Э. Штайн и её учеников, исследовавших в фундаментальном проекте «Три века русской метапоэтики» обширнейший материал, в метапоэтических текстах «сам художник-творец выступает как исследователь или интерпретатор, вступая в диалог с собственными текстами или текстами собратьев по перу», и «в системе метапоэтики мы встречаемся с взаимодействием и взаимодополнением множеств с «размытыми» краями: научного, философского, художественного знания, неявным знанием» [Штайн, Петренко 2006: 11].

Относительно развития немецкого языка XVIII века, учитывая разнообразные нормализационные и кодификационные процессы, отечественными германистами сделаны глубоко обоснованные выводы: «Развитие и упорядочивание синтаксической структуры предложения и чрезвычайное расширение и обогащение словаря на базе семантических преобразований и словообразовательных трансформаций ряда традиционных лексических средств немецкого языка, калькирования и заимствований *позволяют, наконец, представить с помощью языка все основные явления интенсивно развивающейся духовной сферы жизни (научный, философский, эстетический и психологический словарь)*» (Выделено нами. - А.С.) [Гухман и др. 1984: 231]. Однако, как показывает обследованный материал, у многих представителей немецкой лингвокультуры возникали серьезные сомнения в эффективности когнитивно-коммуникативных возможностей языка. Так, по мнению Гете, язык не в состоянии ни для собственного понимания, ни для постижения таких феноменов, как природа или искусство, создать разработанную понятийную основу. С этого утверждения он начинает концептуальную статью «О Лаокооне»: «*Ein echtes Kunstwerk bleibt, wie ein Naturwerk, fuer unsern Verstand immer unendlich: es wird angeschaut, empfunden; es wirkt, es kann aber nicht eigentlich erkannt, viel weniger sein Wesen, sein Verdienst mit Worten ausgesprochen werden*» (Выделено нами. - А.С.) [Goethe 1988, XII: 56] - «Подлинное произведение искусства, подобно произведению природы, всегда остается для нашего разума чем-то бесконечным. Мы на него смотрим, мы его воспринимаем, оно на нас воздействует, но *не может быть познано; тем более не могут быть выражены словами его сущность, его достоинство*» [Гете 1980, 10: 48]. Сходные мысли Гете высказывал и в разговоре с В. Риммером 2 августа 1807 года: «*Um die Natur zu erkennen, muesste er (der Mensch) sie selbst sein. Was er von der Natur ausspricht, das ist etwas, das heisst, es ist etwas Reales, es ist ein Wirkliches, naemlich in bezug auf ihn. Aber was er ausspricht, das ist nicht alles, es ist nicht die ganze Natur, er spricht nicht die Totalitaet derselben aus*» (Выделено нами. - А.С.) [GA, XXII: 469] - «Чтобы